

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20
УДК 94(470.317)

Кабатов Сергей Александрович
Костромской государственной университет
Кабатова Елена Анатольевна
Костромской государственной университет

ИСТОЧНИКО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ВОПРОСА СУЩЕСТВОВАНИЯ ВТОРОГО КОСТРОМСКОГО КРЕМЛЯ (СТАТЬЯ 1)

Вопрос датировки городского поселения, если его дата не имеет четкого и конкретного письменного подтверждения, всегда очень проблематична и сложна. Его решение требует привлечения максимально широкого спектра данных. Настоящее исследование представлено блоком статей, в которых предпринимается попытка освещения историко-историографического изучения вопроса существования второго костромского кремля, включая новейшие археологические данные 2016–2017 гг., на территории Старого города второго костромского кремля. В исследовании поднимаются вопросы: условий, специфики и датировки основания первого и второго костромских кремлей, характер их застройки; условия обретения Костромой Феодоровской иконы Божьей Матери и места ее хранения в обоих кремлях. Отдельно рассматривается вопрос о месте, времени и условиях строительства Успенского собора, поскольку на сегодняшний день только исследования условий и датировки его строительства могут пролить свет и на дату основания Старого города второго костромского кремля. Статья № 1 является началом данного блока исследований, отсылающим нас к истокам решения данной проблематики.

Ключевые слова: Костромское Поволжье, Кострома, первый костромской кремль, Старый город второго костромского кремля, Ростово-Суздальское княжество, Новгород Великий, славянская колонизация.

Информация об авторах: Кабатов Сергей Александрович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий лабораторией археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.
E-mail: kabatov74@mail.ru.

Кабатова Елена Анатольевна, инженер лаборатории археолого-этнологических исследований, Костромской государственной университет, г. Кострома, Россия.

E-mail: kabatova@bk.ru.

Дата поступления статьи: 05.02.2020.

Для цитирования: Кабатов С.А., Кабатова Е.А. Историко-историографическое изучение вопроса существования второго костромского кремля (статья 1) // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 8-20. DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Sergey A. Kabatov
Kostroma State University
Yelena A. Kabatova
Kostroma State University

SOURCE-HISTORIOGRAPHICAL STUDY OF THE EXISTENCE OF THE SECOND KOSTROMA KREMLIN (ARTICLE 1)

The question of dating an urban settlement, if its date has no clear or specific written confirmation, is always very problematic and complicated. Its solution requires the use of the widest possible range of data. This research is presented in a block of articles that attempt to cover the source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin, including the latest archaeological data from 2016-2017 on the territory of the Old city of the second Kostroma Kremlin. The study raises questions about the conditions, specifics and dating of the foundation of the first and second Kostroma Kremles, their nature of development, the conditions for obtaining the icon Our Lady of Saint Theodore in Kostroma and its storage location in both Kremles. The question of the place, time and conditions of the construction of the Assumption Cathedral is considered separately, since only research on the conditions and dating of its construction can shed light on the date of the foundation of the Old city of the second Kostroma Kremlin. Article 1 is the beginning of this block of research, which refers us to the very beginning of solving this problem.

Keywords: Kostroma Povolzhye, Kostroma, first Kostroma Kremlin, Old city of second Kostroma Kremlin, Rostov-Suzdal Principality, Novgorod Great, Slavic colonisation.

Information about the authors: Sergey A. Kabatov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, head of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatov74@mail.ru.

Yelena A. Kabatova, engineer of the laboratory of archaeological and ethnological research, Kostroma State University, Kostroma, Russia.

E-mail: kabatova@bk.ru.

Article received: February 5, 2020.

For citation: Kabatov S.A., Kabatova E.A. Source-historiographical study of the existence of the second Kostroma Kremlin (article 1). Vestnik of Kostroma State University, 2020, vol. 26, № 1, pp. 8-20 (In Russ.). DOI 10.34216/1998-0817-2020-26-1-8-20.

Возникшее во второй половине IX в. Древнерусское государство объединило в своих границах земли, занятые разноплеменным населением. Включение Костромского края в состав древнерусских территорий явилось составной частью общего славянского освоения новых земель, приобретшего с середины XI в. и особенно в начале XII в. характер массового движения в так называемые «новые земли». Первые упоминания о Костромском крае, точнее о его городских центрах, относятся к началу XIII в. Появление редких городов ознаменовало изменение политического статуса региона. Одновременно с этим происходит сложение качественно новой системы сельского расселения, документированной распространением курганных могильников и связанных с ними поселений [Кабатов 2012: 317].

Выделяются два пути освоения Костромского Поволжья русским сельским населением. В первую очередь, это выходцы из «низовских» земель, то есть из земель Ростово-Суздальского (Владимирского) княжества, в состав которого входит и Костромской край. Освоение проходило из бассейна р. Нерли Клязьминской и междуречья Нерли и Уводи. Верховья последней, в свою очередь, близко подходят к истокам р. Солоницы, которая впадает в костромской отрезок р. Волги. Первый путь был восстановлен по компактным группам могильников. Второй путь идет со стороны северо-западных русских земель, с новгородско-псковских территорий. Появление новгородцев отмечено археологическими памятниками X–XIII вв., известными на левых притоках Волги: Медведице, Мологе, Шексне, Колпи, Суде. Лексическая зона, отражающая, кроме археологического материала, появление новгородцев, охватывает течение р. Костромы и бассейны Галичского и Чухломских озер. Некоторые следы новгородского языкового влияния прослеживаются и на остальной части Костромского Поволжья, но лишь в отдельных элементах, при господстве лексики, сложившейся на основе ранних владимирских (ростово-суздальских) говоров [Кабатов 2012: 317–320]. «В X в. выходцы новгородские, следуя по течению р. Волги, впервые явились в устьях р. Костромы и покорили туземное племя, которое с тех пор слилось со славяно-русским и утратило уже навсегда свой самобытный характер» [Рогов: 14]. Среди многих деревень Костромского края с финскими названиями в начале XX в. часто встречались деревни с чисто славянскими названиями: «Русиновка» – недалеко от г. Плекса, в 5 в. от с. Семеновского на Колдоме Кинешемского уезда, в 3 в. от Духа и в других местах, «Русиха» – в 5 в. от с. Ивановского Нерехтского уезда, «Русениха», «Славены» в Кологривском уезде, «Киево», Нерехтский уезд, «Москвиниха» Юрьевецкого уезда и т. п.» [Лебедев: 16].

О проникновении в окрестности г. Костромы выходцев из Новгородской земли свидетельствует вещевая материал погребений. Именно здесь сконцентрирована подавляющая часть ромбоцитковых височных колец «новгородского типа». Еще более отчетливо связи Костромского региона с северо-западом Руси доказывает представительная серия изделий прибалтийско-финского происхождения – вертикальные игольники, фибулы карельского типа и т. д. Судя по распространению курганов с каменными обкладками и характерных украшений, потомки новгородцев могли проникать и ниже по течению р. Волги. Характерные признаки новгородских бытовых предметов, с некоторыми территориальными отличиями, прослеживаются в материалах селища Вёжи, в слоях периода конца XIV–XVII вв. Завидное сходство присутствует в кожевенном и сапожном ремесле при изготовлении поршней, мягких туфель, полусапожек, сапог, кожевенных рукавиц [Кабатов 2006: 70–84]. Сравнительный анализ техники строительства построек, как жилых, так и хозяйственных, дворовая застройка [Кабатов 2004: 67–121] – все это делает возможным констатацию схожести, а возможно, и преемственности с техникой домостроительства новгородских земель [Кабатов 2011: 222–248].

Что касается вопроса о начале строительства Костромы как городского поселения, точных данных мы не имеем, поскольку Кострома – один из тех городов Ростово-Суздальской земли, о начале которых нет прямых известий в летописях. В первый раз о г. Костроме упоминается в списках Воскресенской и Тверской летописей под 1213 г. в повествовании о том, как в усобицу между сыновьями великого князя Всеволода III (Большое Гнездо), Константином Ростовским и Юрием Владимиро-Суздальским, из-за великокняжеского Владимирского стола город Кострома был сожжен Константином как пограничный город, принадлежавший волости его брата Юрия, а жители Костромы отведены в плен в г. Ростов [ПСРЛ 7: 119; ПСРЛ 15: 313]. Следуя данному свидетельству, можно утверждать лишь то, что если Кострома как город существовал в начале XIII в., то основание его следует относить к периоду не позднее XII в.

Некоторые историки-краеведы допускают возможность того, что г. Кострома был основан мерянскими племенами в пору начавшейся славянской колонизации (во второй половине IX в.); по мнению С.М. Соловьева [Соловьев: 149], он появился позднее, «в эпоху стремления северных князей распространить славянскую колонизацию вниз по Волге» (особенно при Юрии Долгоруком, умер в 1157 г.), и имел население, смешанное из мерян и славян. Другие древность происхождения Костромы пытались найти в названии города, причем, по одному мнению, с названием «Кострома», будто бы, неразлучно связано указание на

крепость или понятие о ней. Так, например, граф Уваров в своем исследовании «О быте мерян по курганным раскопкам» [Уваров: 47] название Костромы производит от слова «костр», «кострыга», что значит крепость, укрепленное место. «В таком именно значении, говорит он, Кострома встречается в наших летописях, особенно в Псковских [ПСРЛ 5: 153]. Окончание же «ма» он сближает с мордовским «мае» – красивый; отсюда все название Кострома будет означать «красивую крепость». Причем эта крепость первоначально, по мнению большинства местных историков, будто бы находилась не на настоящем месте, а на правом нагорном берегу р. Волги против теперешних соборных домов и храмов [Миловидов: 6, пр. 2].

Вслед за И. Миловидовым некоторые исследователи на основании подобного объяснения стали приписывать городу уже славянское происхождение, объясняя это следующим. «В старину у наших предков, славян-язычников, словом «Кострома» называлось божество весны, или «Весняк», которое олицетворяло (как и божества Купало и Ярило) живительные силы природы. В частности, «Костромой» называлась девица, избранная для купальского игрища, представляющая собой божество Кострому, а в других местах, например в Муромском уезде, таким олицетворением божества было его чучело, кукла, наряженная в женское платье, приготовленное из соломы и из сорных трав и прутьев (так как в областных говорах слово «Кострома» означает прут, ветвь и растущие во ржи сорные травы). От обрядов похорон божества «Кострома», издревле принадлежавших купальским игрищам и распространенных у славян как на юге, так и на севере Руси, и получили название как город, жителями которого в языческой древности совершались празднества и обряд похорон Костромы в реке, так и самая река, впадающая в Волгу близ этого города» [Лебедев: 15]. Если признать справедливость этого объяснения, то возникновение города Костромы, имевшего первоначально смешанное население из мерян и славян, можно с достоверностью относить ко времени не ранее второй половины IX в., периоду проникновения в Костромское Поволжье славянской колонизации!

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает предположение историка А. Козловского. Он определяет происхождение слова Кострома от г. Остра в 60 в. от Чернигова, вниз по р. Двине, или от литовского г. Костра (недалеко от Юрьева – Дерпта), или, наконец, от Кострума – замка на месте Ревеля, который по топографической характеристики местоположения (морской берег) несколько походит на город Кострому, особенно в весеннее половодье. Он видит в названии Костромы заимствование из названий юго-западных городов. В самом названии всех упомянутых западных и юго-западных городов один корень с латинским или романским

словом «castrum» – укрепленный лагерь, крепость. Кострома в период своей ранней истории была крепостью. Такое наименование городу Козловский приписывает великому князю Долгорукому, и ему же он, вслед за историком Татищевым [Татищев: 76], приписывает и основание самого города (1152) [Козловский: 6–8]. Действительно, сын Владимира Мономаха Юрий (Георгий), прозванный Долгоруким, основал около XII в. Суздальское княжество, где строит города, которым дает названия городов южного края: Юрьев-Польский или «в Поле» в 1150 г. (в отличие от Юрьева Вольнского), Переславль-Залесский (схож с Переяславлем Полтавским), Дмитров, 1154 г. (по имени сына Юрия – Дмитрия), Галич Мерский в отличие от Галича на Днестре, и другие [Татищев: 76; Козловский: 6]. Подобно этому, основав г. Кострому, или, скорее, укрепив это ранее основанное поселение, он, естественно, мог спроецировать на него название какого-нибудь уже хорошо известного ему города южной или западной России. В летописях в ряде городов, построенных Юрием Долгоруким, Кострома не упоминается, но это не может исключать возможность строительства или, по крайней мере, наименование г. Костромы именно этим князем [Соловьев: 257; Ключевский: 246–248].

В пользу этой мысли Д.И. Лебедев обращает внимание на следующее обстоятельство. Известия об основании городов сопровождаются в летописях нередко известиями и о построении церковей. Причем заметно, что в наименовании церковей так же, как и в наименовании городов, Юрий Долгорукий выразил тоже любовь к своей родине – юго-западному краю. Так, например, во Владимире, Переяславле, Суздале, Угличе и Галиче он, в память своей родины – Чернигове, строил соборы в память Преображения Господня, соименные Черниговскому Преображенскому собору [Журнал Министерства народного просвещения: 15]. Названия некоторых рек во Владимиро-Суздальском княжестве также указывают на юго-славянское происхождение, например Лыбедь и Почайна в Киеве и во Владимире, Ипрень – приток Днепра в Киевской земле, и Ипренью же называется приток Клязьмы во Владимирском уезде, Сула в г. Костроме и в южной России близ Клязьмы [Козловский: 134, пр. 4]. В частности, название Костромы повторяется в трех различных формах и в соседней Владимирской губернии, которую заселил юго-западными выходцами князь Юрий Долгорукий: Костромино – деревня в Александровском уезде недалеко от р. Дубны, Костромиха Суздальского уезда на р. Нерли и Кострочиха в Гороховецком уезде [Уваров: 12], а в летописи по Ипатьевскому списку под 1258 г. упоминается сходное с названием Кострома урочище «Коструга» в Вольнской губернии [Миловидов: 16; Баженов: 16]. Очевидно, проецирование южнорусской географической то-

понимки на отдаленный Суздальский север было делом и других переселенцев, мигрировавших сюда с Киевского юга.

Таким образом, Тагищев, Козловский, протонрей М. Диев [Диев 1889: 24; Лебедев: 13–17] полагают, что название Кострома дано городу Юрием Долгоруким, который вместе со многими другими выстроенными им городами если не вновь основал, то по крайней мере укрепил этот город по образцу других древних городов-крепостей и дал ему новое имя «Castrum-a» [Ключевский, 1: 257], имеющее корень в языке романских народов.

Со времени Юрия Долгорукого и до 1207 г. город Кострома принадлежит к великому княжению Владимирскому¹. В этом году великий князь Всеволод Юрьевич (Большое Гнездо) отдает Ростов с другими пятью городами в удел своему старшему сыну Константину (Мудрому) [ПСРЛ 1: 183; Тагищев: 362; ПСРЛ 7: 115]. Летописец не называет этих городов, но из позднейших делений Московского княжества многие историки делают вывод, что эти города были: Ярославль, Белоозеро, Углич-Поле, Устюг Великий (а может быть, и Галич) и Кострома [Корсаков: 150; Диев: 67; Миловидов не признает Кострому в числе 5 городов, данных Всеволодом Константину, а полагает, что Кострому он оставил себе [Миловидов: 24–25]. В 1212 г. «Всеволод Юрьевич наче изнемогати» и послал в Ростов за Константином, чтобы его, как старшего, «благословить» великим княжением Владимирским, Ростов же дать второму сыну Юрию. Но Константин не пожелал расстаться со своей родиной Ростовом; он три раза просил отца: «Даждь ми старый, начальный город Ростов, и к нему Владимир». Но просьба его успеха не имела: «Князь великий Всеволод, вследствие его упорства, не благослови его», а по совету с боярами завещал перед смертью великое княжение второму сыну, Юрию [ПСРЛ 10: 63–64; Иловайский: 233–234], которому, надо полагать, в то же время возвратил от Константина и Кострому как пограничный город Владимирского княжества. В 1213 г. Всеволод умер, не помирившись со старшим сыном, Константином, который, в гневе на предсмертное решение отца, не приехал даже на его погребение [Летописец Переяславско-Суздальский 41: 110]. После этого начались «усобицы» между Константином и Юрием, вылившиеся в открытую междоусобную войну. Костромичи встали на сторону Юрия Всеволодовича и дали ему значительную помощь, за что Константин излил свой гнев на Костроме, отрядив против костромичей большой отряд, пожег город и взял многих жителей в плен [Летописец Переяславско-Суздальский 41: 111; Карамзин: 143; Тагищев: 376; Крживоблоцкий: 2; Миловидов: 26]. В 1222 г. Константин разбил войско своего брата под Юрьевом и, сделавшись великим князем, подчинил Кострому себе. Но это продолжалось недолго.

Перед смертью (2 февраля 1219 г.) он возвратил в 1218 г. Владимирский престол Юрию, приказав детям своим чтить Юрия как второго отца, при этом 18-летнему своему сыну Васильку (Василию) он дал в удел города Ростов и Кострому. Под властью Василька Кострома находилась до нашествия Батгя – 1237 г. Часть исследователей [Тагищев: 415, прим. 600; Крживоблоцкий: 2; Островский 1855: 3; Миловидов: 26–27; Экземплярский 2: 263] утверждают, что Кострома в 1218 г. не была отдана во владение Васильку, а всю первую половину XIII в. не выходила из-под власти великого князя владимирского.

В 1237 г. татары, разорив Владимир, двинулись на север несколькими отрядами, один из которых направился к Городцу, Костроме и Галичу. В течение февраля 1237 г. татары разорили и сожгли 14 городов, в числе которых Ярославль и Кострома². На территории Костромского Поволжья от данных разорительных походов пострадали не только города, но и сельское население. Так, после этих погромов в крае, по археологическим данным, вполовину сокращается количество сельских поселений, а местоположение новых, вновь образующихся поселений, меняется с учетом предъявления к территории новых топографических требований – селища «ушли» к истокам рек, в менее доступные и проходимые территории [Кабатов 1998: 37–43; Кабатов 1998: 62–66; Кабатов 1998: 56; Кабатов 1999: 91–93; Кабатов 2004: 48–74; Кабатов 2005: 5–22]. При р. Сити, в 32 км выше по течению от впадения ее в Мологу, Василько с братом Владимиром стал под знамена великого князя Юрия II Всеволодовича. Русские бились, как львы, но уступили многочисленной войску татар: великий князь Юрий пал в битве, а Василько, взятый татарами в плен, был убит ими в Шеронском лесу [Воскресенская летопись 7: 142]. После этого Кострома снова соединилась с великим княжеством Владимирским, престол которого занял после смерти Юрия (Георгия) Всеволодовича по старшинству следующий брат, Ярослав Всеволодович (1238–1246).

После разорения Владимиро-Суздальского княжества Батгем в 1237 г. владеть княжеством стал великий князь владимирский Ярослав Всеволодович (1191–1246). О его начальной деятельности в этом крае летописец [Воскресенская летопись 7: 143] повествует следующее: «Ярослав, сын великого князя Всеволода Юрьевича, пришел из Киева, седе на столе в Володимере и обнови землю Суздальскую и церкви, очисти от трупия мертвых, и кости их сохранив, и пришельцы утешил, и люди много собрал, и бысть радость велика христианам». В чем именно состояло обновление земли Суздальской, об этом тот же летописец в другом листке пишет: «Ярослав Всеволодович по Батгеев пленении прииде с детьми своими (на Владимирское княже-

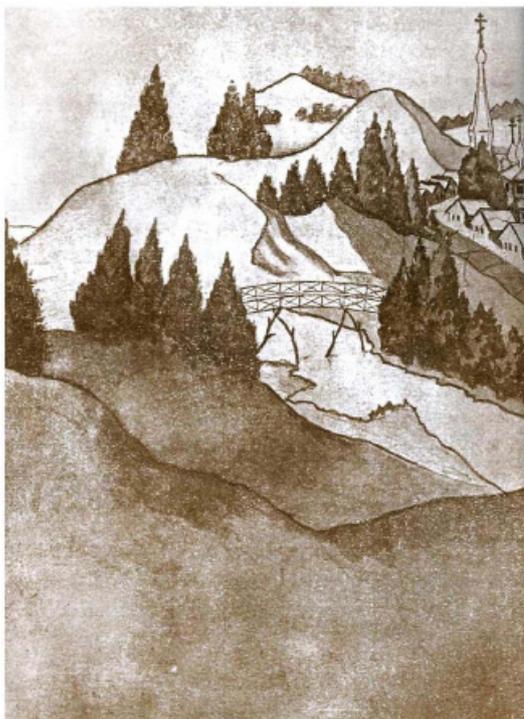

Рис. 1. Кострома (первый кремль) в окрестностях реки Сулы.

Фрагмент старинной иконы [Лебедев: 20]

ние. – С. К.) и нача грады, разоренные от Батыя, ставити по своим местам, и на Волге постави город (перенес с левого, затопленного Волгою и Тверцею берега, на правый, высокий. – С. К.) и наименова его Тверью, по Тверце реке³, а наперед того в том месте град не был» [Воскресенская летопись 7: 245]. В числе многих разоренных татарами и обновленных этим великим князем городов была и Кострома.

Причина особого внимания Ярослава Всеволодовича к Костроме и его мотивация восстановления города заключалась в желании дать приличный город в удел родившемуся у него в 1241 г. девятому сыну, Василию, после того как все другие дети уже получили от него устроенные города. Восстановив город, князь не только обновил фортификационную систему первого костромского кремля (рис. 1), но и построил несколько храмов, посвятив главный из них тому святому, имя которого сам получил в таинстве крещения – Фёдору Стратилату; имя Ярослава он носил как мирское [Воскресенская летопись 7: 101].

В.А. Кучкин относил основание Костромы, Нерехты, Соли Великой и Унжи к годам княжения сына Юрия II, Всеволода (Большое Гнездо), то есть к периоду между 1176 и 1212 г. [Кучкин: 93–94]. После смерти Всеволода Кострома вошла в состав Владимирского княжения Юрия Всеволодовича и оставалась в его составе до 1247 г. когда великий князь Святослав Всеволодович «сыновци свои посади по городом, якоже бе им отец оурядил Ярослав», то есть распорядился по завещанию своего

старшего брата Ярослава наделить уделами его сыновей. Кострома, город слишком значительный (сильно разоренный), досталась самому младшему из детей Ярослава – Василию, которому на тот момент было около пяти лет (он родился в 1241 г.). Кучкин считал, что «фактически Кострома стала центром особого княжества несколько позже, примерно в середине 50-х годов XIII в.», то есть по достижении князем Василием Ярославичем совершеннолетия [Кучкин: 119].

Местные историки-краеведы (Миловидов, Баженов) считали, что г. Кострома до этого времени находился не на левой стороне Волги, а на правой, на месте нынешнего с. Городища, расположенного на противоположном крутом берегу. Основание этому, по их мнению, дает название села – Городище. Кроме того, подтверждением для них их гипотезы явилась работа 1872 г. графа Уварова⁴. Время основания на этом месте Костромы, по их мнению, следует относить к середине IX в., поре начавшегося слияния финских племен со славянскими, а перенесение города на левый берег Волги – ко времени великого князя Ярослава Всеволодовича [Миловидов: 11–35; Баженов: 5–6].

Трудно согласиться с этим мнением. Селений с названием Городище, Городок в XVIII – начале XX в. как в Костромской, так и в соседних губерниях – Ярославской, Нижегородской и Московской – было известно довольно много. По сведениям того же И. Миловидова, на рубеже XIX–XX вв. в Ярославской губернии Городищ насчитывалось более 15 [Миловидов: 12]. Д.И. Лебедев сообщает о наличии «в Костромской губернии... 14 Городищ. Костромского уезда – Городище в приходе с Буракова, в 2 верстах от этого села; Гороженицы в приходе с. Сойкина, в 2 верстах; Городино в приходе с. Буякова; Солигаличского уезда – Городищево в приходе с. Гусева в 69 верстах; Макарьевского уезда – Городище в приходе с. Бовыкина в 5 верстах и Острога (усад.) в ¼ версты; Кологривского уезда – Городище в приходе с. Матвеева в 4 верстах; Шири в 1 версте и Верхнемежского в 5 верстах; Городищево в приходе с. Верхневолостного в 1 версте; Городок в приходе с. Покровского в 2 верстах; Кинешемский уезд – Городище в приходе с. Лезговца в 4 верстах; Гороженица в приходе с. Воздвиженского в 1 версте» [Лебедев: 22].

Кроме того, проведенная за последние десятилетия серия охранно-спасательных археологических работ различными организациями не выявила ни единого свидетельства наличия здесь средневекового города.

В контексте данного вопроса в дореволюционной историографии в понятие термина «городище» вкладывалось следующее: укрепленное поселение с обязательной системой фортификации или крепость (сторонник идеи Уваров), где проживает княжеская знать; место проведения определенных

культовых обрядовых действий; места захоронений. Второго мнения придерживались Анучин, Погодин, Срезневский и Хадаковский⁵, третьего мнения – Котляревский [Вестник Московского археологического общества 1: 66].

Лебедев в 1913 г. подвергнув критическому анализу всю существующую на тот момент источнико-историографическую базу по данному вопросу, приходит к следующему. Представители славянской колонизации в Костромское Поволжье, как народ более промышленный и предприимчивый, предпочитали селиться по берегам больших рек, при впадении в них притоков; особенно это можно сказать про новгородских колонизаторов. Владимиро-суздальские князья в период быстрого расцвета славянской колонизации предпочитали основывать города тоже около больших озер и рек, при впадении в них больших притоков. Он обращает внимание на то, что города XII и XIII вв. этого региона основаны по р. Волге: Зубцов в устье Вазузы, Тверь (в начале своего существования) – в устье Тверцы, Молога – реки того же имени, Княгинин – в устье р. Нерли, Ярославль – Которосли, Юрьевец – Унжи, Нижний Новгород – в устье р. Оки и так далее. Расположенные при впадении больших притоков в Волгу, эти города, естественно, делались торговыми пристанями и рынками для соседних областей, а по водным путям могли удобно сообщаться с другими городами внутри страны. То же, по его мнению, можно сказать и про Кострому, начало основания которой исследователь относит к XII в. Расположенный в устье р. Костромы, этот город имел важное значение, контролируя стратегические и торговые пути по р. Вексе (приток Костромы) с Галичем Мерьским, расположенным на озере Чухломском (исток Вексы), а также был хорошо защищен Волгой от нападения врагов с южной стороны [Лебедев: 22–23]. Кроме того, Лебедев считал, что маловероятен тот факт, что Ярослав Всеволодович, начав отстраивать Кострому после разорения ее Батыем в 1237 г., вряд ли оставил бы старое место кремля и отстроил бы ее на прежнем месте. Но поскольку Кострома после разорения воссоздавалась на левом берегу (рис. 2),

на левом берегу при впадении р. Костромы в Волгу она изначально, до 1237 г., и возникла [Лебедев: 23]. Указанное местоположение на левом берегу между реками Сула и Кострома, впадающими в Волгу, являлось наиболее выгодным и в стратегическом, и в торгово-промышленном отношении, нежели участок правого берега – совершенно открытый и удобный для нападения с южной стороны. Участок между Сулой и Костромой с трех сторон был окружен водой: с южной стороны текла р. Волга, с западной – р. Кострома, с восточной – р. Сула, а с северной стороны прилегал непроходимые лесные дебри и болота, где жители могли в особо крайнем случае укрыться от врага (рис. 2)⁶. С самого начала город Кострома, считает исследователь, была основана при впадении реки того же имени в Волгу, причем не город получил свое название от притока Волги, а р. Кострома получила свое наименование от города. Вполне естественно, что соответственно своему названию (*Castrum*) и благодаря своему удачно выбранному топографическому положению Кострома в период своего существования (*как первый кремль, так и второй*) была укрепленным городом; особенно она была усилена фортификационными сооружениями, приняв вид крепости, со времени княжения Ярослава Всеволодовича (умер в 1246 г.) и после него.

Кострома была назначена в удел последнему из девяти сыновей Ярослава Всеволодовича, Василию, так называемому Мизинному, при его рождении в 1241 г. [Островский: 2]. К этому же князю Василию в 1272 г. перешло и звание великого князя, почему в летописных известиях этого времени в первый раз появляется название «великий князь костромской Василий». Желая наградить своего малолетнего сына этим городом, Ярослав Всеволодович не мог дать ему разоренный, в развалинах город и постарался обустроить его по образцу городов, данных другим детям, которые, будучи уже взрослыми, сами могли заняться благоустройством своих городов, данных им во владение отцом.

Возникает естественный вопрос, какой вид имела Кострома того времени? К сожалению, ни письменных, ни археологических⁷ данных об этом

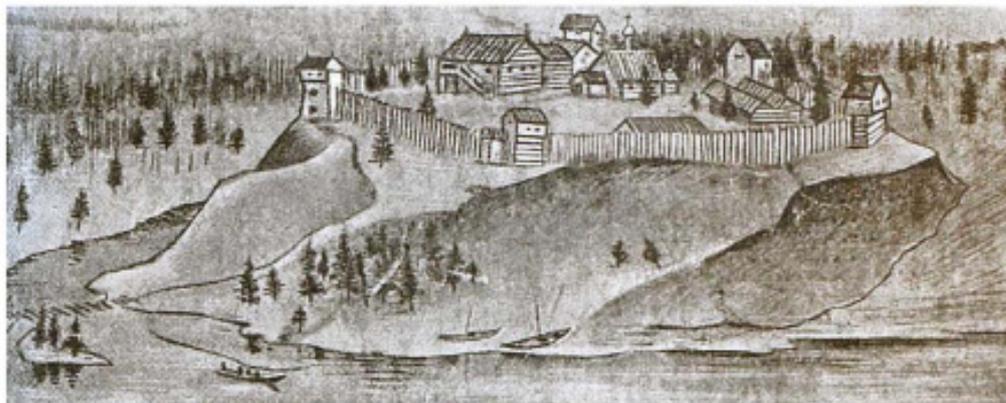

Рис. 2. Первый костромской кремль. XVII в. [Лебедев: 29]

мы пока не имеем и можем судить об этом лишь по аналогии с другими, соседними городами Владимиро-Ростовского княжества этого времени, например Ростовом, Владимиром, Ярославом. В соответствии с архитектурными нормами того времени, предьявляемыми к строительству городов, г. Ростов, как известно из летописей, состоял из кремля, «рубленого» города (укрепленного бревенчатыми стенами) и города «земляного» (внешнего, обведенного валом с деревянным тыном со стоячими заостренными бревнами) и деревянными боевыми башнями и воротами. К земляному городу примыкали посады и слободы. Внутри «рубленого города» («детинца»), стояли деревянные княжеские и боярские терема и епископские палаты. Тут же находился каменный соборный храм Успения Пресвятой Богородицы и другие большие важные храмы – Михаила Архангела и Иоанна Предтечи [Иловайский: 269]. Подобное устройство имел и стольный город Владимир, который также состоял из внутреннего города/детинца (впоследствии кремля) и внешнего города / острога. Первый назывался «Печерным городом», а второй – «новым». Внутри кремля, почти над самым обрывом Клязьмы, находился соборный храм Успения Богородицы, неподалеку находился княжеский двор; с западной и северной стороны его огибала речка Лыбедь, впадающая в Клязьму [Иловайский: 258–259]. Кремль и детинец в Ярославле располагался на мысу между Волгой, устьем Которосли и ее притоком Медведицей; поселение за Медведицей, обнесенное валом, образовало так называемый Земляной город. В кремле на крутом берегу Волги находились деревянный княжий терем и каменный Успенский собор, построенный известным зодчим Константином Всеволодовичем Ростовским. На территории Земляного города был другой каменный храм, Спасо-Преображенский, с монастырем, заложенным Ярославом Всеволодовичем и оконченный его сыном Всеволодом (Большое гнездо) [Иловайский 2: 270–271].

Логично предположить, что подобное устройство Ярослав Всеволодович придал и восстанавливаемому городу Костроме, а его подросший сын, первый удельный князь костромской Василий Всеволодович (после смерти своего отца в 1246 г. утвержден по воле отца на Костромском княжестве и преемником Ярослава по великому княжеству Святославом Всеволодовичем) [ПСРЛ 1: 201; ПСРЛ 7: 156; ПСРЛ 10: 134] продолжил градостроительную традицию, характерную для данного территориально-временного континуума.

Под 1241 г.⁸ летописи сообщают о рождении у великого князя Ярослава Всеволодовича сына Василия, а также об утверждении его в 1247 г., после смерти отца (в 1246 г.), на Костромском княжестве [ПСРЛ 10: 134]. Однако затем в продолжение 20 лет летописи почти ничего не говорят о Василии, только под 1266 г. в Никоновской летописи

есть важное для нас сообщение: «в лето 6774/1266 женися князь великий Василей меньшей Ярославич Костромской, внук Всеволож, и венчан бысть в церкви св. Феодора Игнатием, епископом Ростовским, на Костроме» [ПСРЛ 10: 145].

В дальнейшем в летописях и других письменных документах XIII–XIV вв. неоднократно упоминается исключительно только этот храм святого Феодора Стратилата (рис. 1) в различных обстоятельствах исторической жизни Костромы, и выступает он именно как главный соборный храм города. Возникает логичный вопрос о времени строительства этого храма.

В XII и XIII вв. владими́ро-суздальские князья, основывая и укрепляя территорию города своего княжения, обязательно строили соборный храм. Во Владимире, Ростове, Ярославле и других городах в конце XII и начале XIII в. известны не только много деревянных храмов, но даже каменные соборные церкви. Такие соборы и более знаменитые приходские церкви посвящались в большинстве своем памяти Успения Пресвятой Богородицы; например, во Владимире на Клязьме, в Ростове и Ярославле; или Преображения Господня, как, например, в Переславле-Залесском и Нижнем Новгороде, или, наконец, в честь святого, тезоименитого князю-строителю, например во Владимире, в кремле – каменный Дмитровский собор, устроенный Всеволодом III Дмитрием; каменный Георгиевский храм с монастырем, построенный там же Юрием Долгоруким в 1152 г.; соборный храм в честь Георгия Победоносца, устроенный тем же князем в кремле в г. Юрьеве-Польском; Георгиевский храм в г. Юрьевце Поволжском, устроенный в 1225 г. Юрием Всеволодовичем; Михаил Александрович, князь Тверской, строил церкви в честь архангела Михаила. В крепости, заложенной на острове Юсть-Эйланде Петром Великим, в первую очередь была сооружена церковь во имя апостолов Петра и Павла. Согласно данной традиции описываемого времени, костромскому князю Василию Ярославичу было, если можно так выразиться, нелогично строить главный храм в своем городе в честь св. Феодора Стратилата, чтобы затем в нем же венчаться и быть погребенным в нем, как сообщает Воскресенская летопись [Воскресенская летопись 7: 173]. И наоборот, Ярослав Всеволодович (его отец) имеет все основания посвятить главный соборный храм в г. Костроме именно в честь этого святого угодника. Из летописей мы знаем, что князь Ярослав при крещении получил имя Фёдора: «1191 г. родися у великого князя Всеволода сын Феодор, а прозван бысть Ярослав, в Переяславли, февраля 8» [ПСРЛ 7: 101]. Вероятно, Фёдором он был назван в честь св. великомученика Феодора Стратилата, память которого чествуется церковью 8 февраля. Другого князя, который носил бы в период Владимиро-Суздальского княжества имя

Феодора Стратилата, история не знает. Именно это дает основание Д.И. Лебедеву считать, что древнейшая церковь в г. Костроме, находившаяся на месте Богородицкой (разрушена в советское время), или более известной под именем Богоотцовской, построена Ярославом Всеволодовичем в честь святого, имя которого ему было дано при крещении. Как главная городская церковь, она могла быть построена в 1241–1245 гг. [Лебедев: 28].

Топографическая ситуация участка первого костромского кремля (рис. 2), на территории которого был построен храм Святого Феодора Стратилата, между р. Сулой и Кострой, была болотистая и покрыта мхами. Ставить в этом месте кремль и соборный храм было возможным только в случае определенного поднятия уровня дневной поверхности над низменной территорией. По всей видимости, «поднять» землю Ярослав Всеволодович смог насыпной землей из окружающих кремль ровов. Так он возвысил это место и на самом высоком пункте, посреди городской площади, основал храм в честь своего тезоименитого святого. Как правило, в XII и XIII вв. практически отсутствуют свидетельства о строительстве главных соборных храмов в городах не в детинце или кремле города, а за его пределами. Кремлевский собор, окруженный княжескими палатами и воеводскими избами, был всегда главным средоточием церковно-гражданской жизни города. В повести о явлении в Костроме чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери говорится, что икона принесена была в город в соборную церковь во имя великомученика Феодора Стратилата, что на площадке (I и II ред. повести), по прозванию Мшанская улица (I ред. – слово) [Лебедев: 28]. О местоположении храма Святого Феодора Стратилата на городской площади говорят и Писцовые книги (рис. 3) XVII в. [ПКК]⁹. Площадь, где находился храм Святого Феодора Стратилата, даже в условиях совре-

менной топографической характеристики города (северная часть современных кварталов 27, 30, 43 и южная часть современных кварталов 26, 31, 42) имеет некоторое возвышение над прилегающей территорией. А дорегулярное название пролегающей по данному участку города улицы Мшанской¹⁰ свидетельствует, что тут некогда были болота, покрытые мхом. Вплоть до середины XX в. территория, с севера и северо-востока примыкающая к кремлю, была топкая, а в садах частных домов фиксировались остатки прежних больших прудов.

Итак, со времени своего возникновения Кострома входит в состав Великого княжества Владимирского и представляет собой крепость, контролирующую участок волжского пути от Ярославля до Городца Радилова, а также важный путь на север по р. Кострома. Городской детинец, по косвенным данным, находился на высоком, левом берегу р. Волги близ устья р. Сулы, на ее правом берегу (территория современного перекрестка улиц Пятницкой и Островского). В 1966 г. Г.Н. Яблоковой и Т.М. Липсон в строительной траншее близ перекрестка современного проспекта Текстильщиков и улицы Спасокукоцкого были собраны материалы, принадлежавшие разрушенному погребению древнерусского времени. В 1967 г. М.В. Фехнер в том же месте исследовала еще два таких же погребения, что позволяет предполагать здесь наличие курганного могильника XII–XIII вв., насыпи которого давно были спланированы строительными работами. Во 2-й половине 90-х годов С.И. Алексеев проводит серию археологических исследований, которые позволяют констатировать наибольшую мощность культурного слоя на участках, прилегающих к перекрестку современных улиц Островского и Пятницкой, где располагались древнейший детинец города на р. Суле и его посад. Среди находок преобладали обломки глиняных сосудов. Керамика XII–XIII вв. была представлена фрагментами гон-

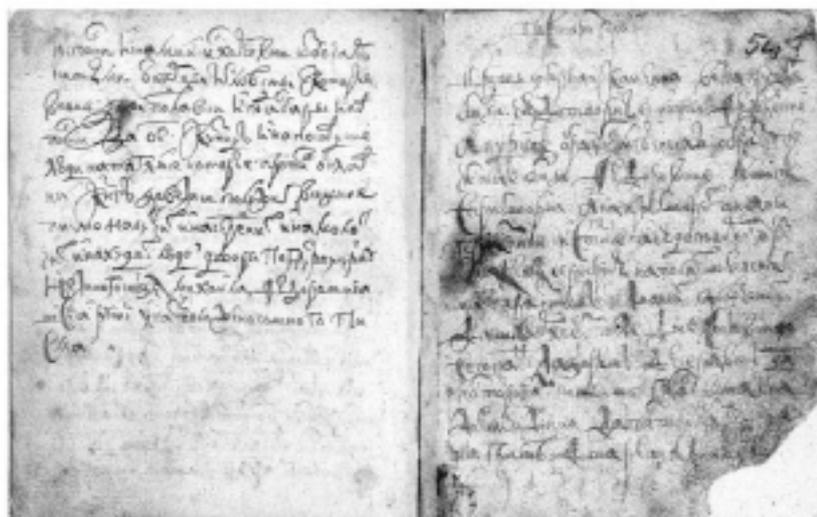

Рис. 3. Список с Писцовой книги¹¹

чарных изделий, преимущественно горшковидных сероглиняных и красноглиняных сосудов с примесями в глиняном тесте дресвы и крупного песка, орнаментированных в верхней части горизонтальными и волнистыми линиями, насечками, оттисками гребенчатого штампа. Шиферные пряслица и четырехконечные кресты-тельники свидетельствовали, по мнению исследователя, о связях Костромы XII–XIII вв. с южными районами Руси, находки янтарных украшений – о связях с Прибалтикой; показательны находки двух железных писал (стилей) в рядовых посадских жилищах. Этим же исследователем на месте современного дома по адресу Пятницкая, 4 при охранно-спасательных работах были выявлены остатки укреплений древнего детинца Костромы на р. Суле и предположительно установлены его размеры. Со стороны покатого склона волжского берега им исследованы остатки рва шириной до 18 м, глубиной до 4 м, шедшего перпендикулярно течению р. Сулы. Поперечное сечение рва имело форму трапеции, внутренняя его сторона была укреплена частоколом. Этот ров, являвшийся частью укреплений западной линии обороны детинца, по размерам и типологически соответствует мощным дерево-земляным крепостям, которые возводились на Руси после сер. XII в. Северо-восточная линия укреплений проходила примерно по современной улице Островского (бывшая Мишанская), северо-западная – по линии бывшей улице Спасской, юго-восточная – вдоль берега р. Сулы. Размеры детинца с северо-запада на юго-восток составляли порядка 160 м, с юго-запада на северо-восток – около 80 м, площадь превышала 1 га. На прилегающей к детинцу территории С.И. Алексеевым были исследованы окруженные заборами в виде частоколов усадьбы городского типа XII–XIV вв., на которых располагались жилые, хозяйственные и производственные постройки, как правило срубной конструкции, а также остатки деревянной мостовой. Среди изученных производственных комплексов – железоплавильные горны и мастерская, в которой изготавливались стеклянные браслеты. В последней обнаружен развал глинобитной печи, где найдены куски белой стеклянной пасты и обломки оплавленных, по-видимому бракованных, стеклянных браслетов, один из железоплавильных горнов, остатки которого имели вид ямы размерами 4,4×3,6 м, глубину 0,6 м., находился внутри сруба. В заполнении ямы найдено большое количество криц, шлака, углей, кусков глиняной обмазки [Алексеев: 12–17].

Примечания

¹ «С 1157 по 1176 г. Кострома находилась во владении великих князей: Андрея, Михаила II, а потом Всеволода III Георгиевичей... Великий князь Всеволод Юрьевич дал в удел Константину Ростов с пятью городами, в числе коих Кострому

и Галич. С того времени города сии присоединились к удельному княжению Ростовскому. По кончине великого князя Всеволода Юрьевича в 1213 г. возникли между сыновьями его, Константином и Юрием, несогласия... отчего и возгорелась между ними война. Константин в 1214 г., собрав войско, послал его по Волге, и Кострому, помогавшую Георгию (Юрию), выжечь... В 1216 г., апреля 25 числа, Константин, победив брата, хотя и восшел на Владимирский престол, но, движимый добротой своего сердца, в сем неприятном положении утешил Георгия, объявив его наследником Великого княжения, и сверх того, дав ему Суздаль, приказал детям своим чтить Георгия как второго отца. При нашествии Батыевым на Россию татары, завоевав Владимир, разделились: одни пошли к Городцу, Галичу и Костроме, другие к Ростову и Ярославлю; сожгли множество городов, в том числе вторично и Кострому» [Козловский: 9–11].

² «В лето 6745/1237 прииде со восточных страны царь Батый на русскую землю ратью со многими силами без вести месяца февраля в 7 день. И бысть брань велика, разгневание Божие; поплени и высече князей русских и всю землю русскую. Тогда убиша князя Юрия Всеволодовича с детьми и с братьями, и Владимир сожгли, и много грады плени, Рязань, Коломну, Муром, Суздаль, Юрьев, Ростов, Ярославль, Кострому, Переславль, Москву, Волоколумскую, Дмитров, Тверь, Кашин, и иные мнози городы; избиха много князей, и княгинь, и мужей, и жен, и детей... не дошед за 100 верст до Новгорода воротитиша у Игнача креста» [ПСРЛ 7: 141; Козловский: 11; Татищев, 1768: 474, прил. 649].

³ Воскресенская летопись относит это к 1238 г. [ПСРЛ 7: 144].

⁴ В исследовании графа Уварова о происхождении и значении городищ между прочим говорится, что городища, находящиеся вблизи мерянских курганов древнейшей эпохи, можно отнести к памятникам того же народа, то есть мерян. Такие курганы находятся большею частью и доселе возле селений или урочищ, носящих названия Городище, Городок и т. п., и само название селений – Городище – показывает связь их с находящейся здесь или бывшей искусственной насыпью. Мы полагаем, говорит далее граф Уваров, что городища, занимая центральное положение и, вероятно, самое лучшее, возвышенное место посредине мерянских поселений, служили укрепленными местами для самих жилищ обитателей. Прямая же связь некоторых городищ с городами как бы подтверждает догадку, что в древнейшие времена городища были населены и составляли первоначальный центр оседлости для будущих городов [Уваров: 94].

⁵ Д.Н. Анучин, описав городища как искусственные земляные сооружения большею частью на берегах рек, на возвышенных местах, окруженные рвами, валами и частоколом, говорит:

«Не всегда городища служили местами поселений; иногда это были места религиозных собраний и жертвоприношений. И теперь еще на многих холмах и возвышенностях стоят церкви, а ранее в дохристианскую эпоху их место занимали языческие мольбища. По-видимому, уже с отдаленной древности с возвышенными пунктами соединялось представление о наибольшей пригодности их для сношения и с духами и богами, может быть, вследствие возвышенного их положения, их большей близости к небу» [Анучин: 24]. Подобный взгляд на значение городищ высказывал Д. Корсаков [Корсаков: 59–60]. Г. Погодин по этому поводу говорит: «Городища – это места богослужения» [Погодин 2: 400] «Городища были святыми оградами или приходскими местами, где свадьбы и другие обряды языческие совершались» [Вестник Европы 20: 280]. «Городища суть памятники древнего богослужения» [Записки Одесского общества 2: 533].

⁶ Название самой р. Костромы было мало известно даже в первой половине XIV в. В рукописи, носящей заглавие «Воскресенская летопись, что у Соли-Галичской», говорится, что галичский князь Феодор Семенович, основатель Солигалича, лета 6843/1335, когда прибыл туда для построения Воскресенского монастыря, то не знал и не мог наведаться, какая река протекает тем местом. Поэтому он послал лодку, чтобы наведаться об имени реки. Посланные плыли до г. Костромы и там узнали, что это р. Кострома. Очевидно, что не р. Кострома была названием городу, а город – реке [Костромские губернские ведомости 37: 460–436].

⁷ Ни научно-исследовательские, ни охранно-спасательные археологические исследования (раскопки) непосредственно внутри первого костромского кремля, то есть на территории, огороженной с северо-запада р. Костромой и с юго-востока – р. Сулой, не проводилось. Подобное невозможно в первую очередь потому, что более половины всей этой территории (западная часть) занято ОАО по производству фанеры и древесно-стружечных плит «Фанплит» (10 апреля 1919 года Костромской фанерный завод братьев Горлиных был национализирован и передан в распоряжение Костромского губернского совнархоза и получило новое название – «Красный фанерщик», в 1939 году – наименование Костромской фанерный завод), остальная часть этой территории занята зданиями частного сектора и государственных учреждений, которые (здания) большей частью построены еще на рубеже XIX–XX вв. По центру всей этой территории, параллельно р. Волге, идет трасса улицы Островского (дорегулярное название – Мшанская).

⁸ Как уже неоднократно сообщалось.

⁹ «На Суле у Мшанские улицы Церковь стоит без пенья Федора Стратилата древяна, клецки. Земли церковные (Л. 595) в длину девятнадцать сажен, поперег тринадцать сажен» [ПКК: 282].

¹⁰ После регулярной планировки полотно новой улицы с тем же названием на данном участке в точности повторило контуры трассы дорегулярной улицы. Современное название улицы – ул. Островского.

¹¹ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 558. Оп. 2. Д. 133. Л. 546 об. – 547).

Список литературы

Алексеев С.И. История формирования городских территорий Костромы // Памятники истории и архитектуры Европейской России (исследование, реставрация, охрана). Нижний Новгород, 1995.

Анучин Д.Н. Доисторическая Москва. М., 1909. 45 с.

Баженев И.В. Костромской кремль. Кострома: Изд-во Костромской губернской архивной комиссии, 1905. 27 с., 1 л. пл.

Вестник Европы. 1819. Ч. 107. № 1–20. Октябрь. 160 с.

Вестник Московского археологического общества, 1891. Т. 1.

Диев М.Я. Историческая записка о г. Костроме: черновая рукопись из библиотеки А. Титова. № 4019 // Библиотека Общества любителей древней письменности в Петербурге. 1889.

Диев М.Я. Укрепленные места древней Костромской области (из истории основания города губернии) // Костромские губернские ведомости. 1858. № 35–38.

Журнал Министерства народного просвещения. 1900. С. 15.

Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1848. Т. 2. 840 с.

Иловайский А. История России. М.: Тип. П. Лебедева, 1880. Т. 2. 578 с.

Кабатов С.А. Источнико-историографическая база изучения материальной культуры сельского населения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Межрегиональная конференция славистов «Российское славяноведение в начале XXI в.: задачи и перспективы развития». М.: Институт славяноведения РАН, 2005. С. 493–504.

Кабатов С.А. Кожевенное ремесло Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Вестник Костромской археологической экспедиции. Кострома, 2006. Вып. 2. С. 70–84.

Кабатов С.А. Отчет об археологических исследованиях в Чухломском районе в 1998 г. / сост. С.А. Кабатов. Йошкар-Ола: МарГУ, 1998. 102 с.

Кабатов С.А. Памятник русского средневековья Костромского Поволжья – селище Вёжи // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. М.: РАН Институт археологии, 2011. Вып. 7. С. 222–248.

Кабатов С.А. Поселения и жилища Костромского Поволжья в XIII–XVII вв. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 1998. Ч. 1. С. 37–43.

- Кабатов С.А.* Сельские поселения и жилища Костромского Поволжья XIII–XV вв. // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. Кострома, 1999. № 3. С. 91–93.
- Кабатов С.А.* Сельские поселения Костромского Поволжья XIII–XVII вв. (по археологическим данным): дис. ... канд. ист. наук. Йошкар-Ола: МарГУ, 2004. 329 с.
- Кабатов С.А.* Типы сельских поселений Костромского Поволжья XIII–XVII вв. // Исследования П.Д. Степанова и этнокультурные процессы древности и современности. Саранск, 1998. С. 62–66.
- Кабатов С.А.* Этнокультурная история сельского населения Костромского края (до золотоордынского времени) // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, 2012. Т. 18, № 1. С. 317–320.
- Карамзин Н.М.* «История государства российского». СПб.: Военная типография Главного штаба Его Императорского Величества, 1817. Т. 4. 494 с.; Т. 5. 592 с.; Т. 6. 486 с.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Историческая литература, 2002. Т. 1. 298 с.
- Козловский А.Д.* Взгляд на историю Костромы. М.: Тип. Николая Степанова, 1840. 203, [1] с.
- Корсаков Д.* Меря и Ростовское княжество. Казань, 1872. 266 с.
- Костромские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 460–436.
- Крживоблоцкий Я.* Материалы для геогр[афии] и статистики России. Костромская губерния. СПб., 1861. 638 с.
- Кучкин В.А.* Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
- Лебедев Д.И., прот.* История соборных храмов Феодоровского и Успенского в городе Костроме в связи с повестью о Феодоровской иконе Богоматери, краткой историей и топографией древнего города. Кострома, 2010. 175 с.
- Миловидов И.В.* Очерк истории Костромы с древнейших времен до царствования Михаила Федоровича. Кострома: Тип.-лит. Ф.А. Фальк, 1886. 179 с.
- Островский П.Ф., протоиерей.* Исторические записки о Костроме и ее святыне, благочестивой в императорском доме Романовых. Кострома, 1864. 251 с.
- Островский П.Ф.* Историческое описание Костромского Успенского собора. М., 1855. 256 с.
- Островский П.Ф., прот.* Историческое описание библиотеки костромского Успенского кафедрального собора // Костромские губернские ведомости. 1858 (часть неоф.). № 19. С. 183–186; № 20. С. 191–195; № 22. С. 211–213; № 24. С. 233–235; № 25. С. 245–247; № 26. С. 256–258; № 27. С. 263–265.
- Островский П.Ф., протоиерей.* Историческое описание библиотеки костромского Успенского кафедрального собора // КГВ. Кострома, 1858, часть неоф., № 19. С. 183–186; № 20. С. 191–195; № 22. С. 211–213; № 24. С. 233–235; № 25. С. 245–247; № 26. С. 256–258; № 27. С. 263–265.
- Писцовая книга г. Костромы 1627/28 – 1629/30 гг. (ПКК). Кострома: Костромаиздат, 2004. 438 с.
- Погодин М.П.* Исследовательские заметки и лекции русской истории. СПб., 1846. Т. II. 429 с.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. Лаврентьевская и Троицкая летописи. СПб., 1846. 392 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я.И. Бередниковым, А.Ф. Бычковым, под ред. А.С. Норова. СПб., 1856. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 7. Летопись по Воскресенскому списку / подг. к изд. Я.И. Бередниковым, А.Ф. Бычковым, под ред. А.С. Норова. СПб., 1856. 358 с.
- ПСРЛ. Т. 8. Продолжение летописи по Воскресенскому списку / под ред. А.Ф. Бычкова. СПб., 1859. 312 с.
- ПСРЛ. Т. 10. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1885. 250 с.
- ПСРЛ. Т. 16. Летописец Переславля Суздальского (Летописец русских царей) / предисл. Б.М. Клосса. М., Археогр. центр. 1995. 164 с.
- ПСРЛ. Т. 15. Тверская летопись. Рогожский летописец. СПб., 1863. 504 с.
- ПСРЛ. Т. 5. Псковская и софийская летописи, 1851. СПб., 1851. 275, [4] с., [2] л.
- Рогов П.И.* Описание Костромской губернии в историческом и географическом отношении. СПб.: Изд-во журнала «Мирской вестник», 1871. 47 с.: ил.
- Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 2. От конца правления Ярослава I до конца правления Мстислава Торопецкого, 1054–1228 гг. М., 2001. 530 с.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.: Напечатано при Имп. Московском ун-те, 1768. Т. 2. 224 с.; 1769. Т. 3, 600 с.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.: АСТ: Ермак, 2003. Т. 2. 732 с.; М.: АСТ: Ермак, 2005. Т. 3. 860 с.
- Уваров А.С.* Меряни и их быт по курганным раскопкам. М.: Синодальная типография, 1872. 230 с.
- Экземплярский А.В.* Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г. Т. 2. Владетельные князья Владимирских и Московских уделов и великие и удельные владетельные князья Суздальско-Нижегородские, Тверские и Рязанские. СПб.: Изд. графа И.И. Толстого: Тип. Имп. Акад. наук, 1891. Т. 1–2. 707 с.

References

Alekseev S.I. Istoriia formirovaniia gorodskikh territorii Kostromy [History of the formation of the city territories of Kostroma]. Pamiatniki istorii i arkhitektury Evropeiskoi Rossii (issledovanie,

restavratsiia, okhrana) [Memorials of the history and architecture of European Russia (research, restoration, protection)]. Nizhny Novgorod, 1995. (In Russ.)

Anuchin D.N. *Doistoricheskaya Moskva* [Prehistoric Moscow]. Moscow, 45 p. (In Russ.)

Bazhenov I.V. *Kostroma Kremlin* [Kostromskoi kremli']. Kostroma, Kostroma provincial archival Commission Publ., 1905, 27 p., 1 PL.

Vestnik Evropy [Bulletin of the Europa]. 1819. Part 107. № 19–20. October, 160 p. (In Russ.)

Vestnik Moskovskogo arkhelogicheskogo obshchestva [Bulletin of the Moscow archaeological society], 1891, vol. 1. (In Russ.)

Diev M.Ya. *Istoricheskaia zapiska o g. Kostrome: chernovaia rukopis' iz biblioteki A. Titova* [Historical note about Kostroma: draft manuscript from the library of A. Titov], № 4019. *Biblioteka Obshchestva liubitelei drevnei pis'mennosti v Peterburge* [Library Of the society of lovers of ancient writing in St. Petersburg], 1889.

Diev M.Ya. *Ukreplennye mesta drevnei Kostromskoi oblasti (iz istorii osnovaniia goroda gubernii)* [Fortified places of the ancient Kostroma region (from the history of the Foundation of the city of the province)]. *Kostromskie gubernskie vedomosti* [Kostroma provincial Vedomosti], 1858, № 35–38.

Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia [Journal of the Ministry of public education], 1900, 15 p. (In Russ.)

Zapiski Odesskogo obchzestva istorii i drevnostey [Notes of the Odessa society of history and antiquities]. Odessa, 1848. Vol. 2, 840 p. (In Russ.)

Ilovaisky A. *Istoriia Rossii* [History of Russia]. Moscow: Printing House of p. Lebedeap, 1880, vol. 2, 578 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Istochniko-istoriograficheskaia baza izuchenii material'noi kul'tury sel'skogo naseleniia Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Source-base stroma Volga region XIII–XVII centuries]. *Russian Slavonic in the early twenty-first century: challenges and prospects* [Interregional Conference of Slavists “Russian Slavic Studies at the Beginning of the XXI Century: Tasks and Prospects of Development”]. Moscow: Institute of Slavonic studies of the Russian Academy of Sciences, 2005, pp. 493–504. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Kozhevennoe remeslo Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Leather craft of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Vestnik Kostromskoi arkhelogicheskoi ekspeditsii* [Bulletin of the Kostroma archaeological expedition]. Kostroma, 2006, vol. 2, pp. 70–84.

Kabatov S.A. *Otchet ob archeologicheskikh issledovaniyakh v Chuhlomskom rayone v 1998 g.* [Report of the archaeological research in Chuhlomsky area in 1998], comp. S.A. Kabatov. Yoshkar-Ola: MarGU, 1998, 102 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Pamyatnik russkogo srednevekovyia Kostromskogo Povolzh'ia – selizche Vjyezhy*

[Monument of the Russian middle ages of the Kostroma Volga region – the village of Vezhi]. *Archeology of the Moscow region: Materials of the scientific seminar* [Arheologija Podmoskovjy: materialy nauchnogo seminaru]. Moscow: RAS Institute of archaeology, 2011, issue 7, pp. 222–248. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Poseleniia i zhilishcha Kostromskogo Povolzh'ia v XIII–XVII vv.* [Settlements and dwellings of the Kostroma Volga region in the XIII–XVII centuries]. *Integratsiia arkhelogicheskikh i etnograficheskikh issledovaniia* [Integration of archaeological and ethnographic research]. Omsk, 1998, part 1, pp. 37–43. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Sel'skie poseleniia i zhilishcha Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XV vv.* [Rural settlements and dwellings of the Kostroma Volga region of the XIII–XV centuries]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Vestnik of Nekrasov Kostroma State University], 1999, № 3, pp. 91–93. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Sel'skie poseleniia Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv. (po arkhelogicheskim dannym): diss. ... kand. ist. nauk* [Rural settlements of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries (according to archaeological data): thesis for the degree of Candidate of Historical Sciences]. Yoshkar-Ola: Margu, 2004, 329 p. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Tipy sel'skikh poselenii Kostromskogo Povolzh'ia XIII–XVII vv.* [Types of rural settlements of the Kostroma Volga region of the XIII–XVII centuries]. *Issledovaniia P.D. Stepanova i etnokul'turnye protsessy drevnosti i sovremennosti* [Studies of P.D. Stepanov and ethnocultural processes of antiquity and modernity]. Saransk, 1998, pp. 62–66. (In Russ.)

Kabatov S.A. *Etnokul'turnaia istoriia sel'skogo naseleniia Kostromskogo kraia (do zolotoordynskogo vremeni)* [Ethnocultural history of the rural population of the Kostroma region (before the Golden Horde time)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N.A. Nekrasova* [Vestnik of the Kostroma state University of N. A. Nekrasov], 2012, vol. 18, pp. 317–320. (In Russ.)

Karamzin N.M. *Istoriia gosudarstva rossiiskogo* [History of the Russian state]. SPb.: Voennaia tipografiia Glavnogo shtaba ego Imperatorskago Velichestva Publ., 1817, vol. 4, 494 p.; vol. 5, 592 p.; vol. 6, 486 p. (In Russ.)

Kliuchevsky V.O. *Kurs russkoi istorii* [A Course in Russian history]. Moscow: Istoricheskaia literature Publ., 2002, vol. 1, 298 p. (In Russ.)

Kozlovsky A.D. *Vzgliad na istoriiu Kostromy* [View on the history of Kostroma]. M.: Tip. Nikolaia Stepanova Publ., 1840, 203 p. [1] (In Russ.)

Korsakov D. *Meria i Rostovskoe kniazhestvo* [Merya and the Rostov Principality]. Kazan, 1872, 266 p. (In Russ.)

Krzywoblocki Ya. *Materialy dlia geogr[afii] i statistiki Rossii. Kostromskaia guberniia* [Materials

for geography[afii] and statistics of Russia. Kostroma province]. SPb., 1861, 638 p. (In Russ.)

Kuchkin V.A. *Formirovanie gosudarstvennoi territorii Severo-Vostochnoi Rusi v X–XIV vv* [Formation of the state territory of North-Eastern Russia in the X–XIV centuries]. Moscow: Nauka Publ., 1984, 353 p. (In Russ.)

Lebedev D.I., prot. *Istoriia sobornykh khramov Feodorovskogo i Uspenskogo v gorode Kostrome v sviazi s povest'iu o Feodorovskoi ikone Bo-gomateri, kratkoi istoriei i topografiei drevnego goroda* [History of the Cathedral churches of Feodorovsky and Uspensky in the city of Kostroma in connection with the story of the Feodorovsky icon of the mother of God, a brief history and topography of the ancient city]. Kostroma, 2010, 175 p. (In Russ.)

Milovidov I.V. *Ocherk istorii Kostromy s drevneishikh vremen do tsar-stvovaniia Mikhaila Fedorovicha* [Essay on the history of Kostroma from ancient times to the reign of Mikhail Fedorovich]. Kostroma, typo-lithography by F.A. Falk, 1886, 179 p. (In Russ.)

Ostrovsky P.F. *Istoricheskoe opisanie Kostromskogo Uspenskogo sobora* [Historical description of the assumption Cathedral in Kostroma]. M., 1855, 256 p. (In Russ.)

Ostrovsky P. F. *Istoricheskoe opisanie biblioteki kostromskogo Uspenskogo kafedral'nogo sobora* [Historical description of the library of the Kostroma assumption Cathedral Kostroma], 1858 (part of neof.), no. 19, pp. 183–186; no. 20, pp. 191–195; no. 22, pp. 211–213; no. 24, pp. 233–235; no. 25, pp. 245–247; no. 26, pp. 256–258; no. 27, pp. 263–265. (In Russ.)

Pistsovaia kniga g. Kostromy 1627/28 – 1629/30 gg [Scribe the book of the city of Kostroma 1627/28 – 1629/30 from Kostroma]: Kostromastat Publ., 2004, 438 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. I. *Lavrent'evskaia i Troitskaia letopisi* [Laurentian and Trinity Chronicles]. St. Petersburg, 1846, 392 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VII. *Letopis' po Voskresenskomu spisku. Podg. k izd. Ia.I. Berednikovym i A.F. Bychkovym, pod red. A.S. Norova* [Chronicle of the resurrection list. Prep. for publ. by Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov, ed. by A.S. Norov]. St. Petersburg, 1856, 358 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VII. *Letopis' po Voskresenskomu spisku. Podg. k izd. Ia.I. Berednikovym i A.F. Bychkovym, pod red. A.S. Norova* [Chronicle of the resurrection list. Prep. for publ. by Ya.I. Berednikov and A.F. Bychkov, ed. by A.S. Norov]. St. Petersburg, 1856, 358 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. VIII. *Prodolzhenie letopisi po Voskresenskomu spisku. Pod red. A.F. Bychkova*

[Continuation of the chronicle according to the resurrection list. Ed. by A.F. Bychkov]. St. Petersburg, 1859, 312 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. X. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheiu ili Nikonovskoi letopis'iu* [Chronicle collection, called the Patriarch's or Nikon's Letopis]. Saint-Petersburg, 1885, 250 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XLI. *Letopisets Pereslavlia Suzdal'skogo (Letopisets russkikh tsarei)* [The chronicler of Suzdal Pereslavl (the Chronicler of the Russian tsars)]. M., Areor. center, 1995, 164 p. (In Russ.)

PSRL. Vol. XV. *Tverskaia letopis'. Rogozhskii letopisets* [Tver chronicle. Rogozhsky chronicler]. St. Petersburg, 1863, 504 p. (In Russ.)

PSRL., Vol. V. *Pskovskii i softskii letopisi* [Pskov and Sofia Chronicles], 1851. St. Petersburg, 1851, 275 [4] p., [2] l. (In Russ.)

Rogov P.I. *Opisanie Kostromskoi gubernii v istoricheskom i geogra-ficheskom otnosheniakh* [Description of Kostroma province in historical and geographical terms]. SPb.: Izdatel'stvo zhurnala «Mirskoi vestnik» Publ., 1871, 47 p.: il. (In Russ.)

Solovyov S.M. *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen. T. 2. Ot kontsa pravleniia Iaroslava I do kontsa pravleniia Mstislava Toropetskogo, 1054–1228 gg* [History of Russia since ancient times. Vol. 2. From the end of the reign of Yaroslav I to the end of the reign of Mstislav toropetsky. 1054–1228 gg.]. M., 2001, 530 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. *The History of Russia* [Istoriia Rossiiskaia]. Moscow: Printed at the Imperial Moscow University, 1768, vol. 2, 224 p.; 1769, vol. 3, 600 p. (In Russ.)

Tatishchev V.N. *Istoriia Rossiiskaia* [The History of Russia]. Moscow, Ermak Publ., 2003, vol. 2, 732 p.; Moscow: AST, Ermak, 2005, vol. 3, 860 p. (In Russ.)

Uvarov A.S. *Meriani i ikh byt po kurgannym raskopkam* [Merani and their way of life for mound excavation]. Moscow: Sinodal'naia tipografiia Publ., 1872, 230 p. (In Russ.)

Yexemplyarsky A.V. *Velikie i udel'nye kniaz'ia Severnoi Rusi v tatarskii period, s 1238 po 1505 g.* [The Great and appanage princes of Northern Russia in the Tatar period, from 1238 to 1505]. Vol. II. *Vladetel'nye kniaz'ia Vladimirskikh i Moskovskikh udelov i velikie i udel'nye vladetel'nye kniaz'ia Suzdal'sko-Nizhegorodskie, Tverskie i Riazanskie* [Sovereign princes of Vladimir and Moscow appanages and great and specific sovereign princes of Suzdal-Nizhny Novgorod, Tver and Ryazan]. SPb.: Izdanie grafa I.I. Tolstogo, Tip. Imperatorskoi Akademii nauk Publ., 1891, vol. 1–2, 707 p. (In Russ.)